

Ольга Горицкая

Минский государственный лингвистический университет

Кафедра общего языкознания

Захарова 21, 220034, Минск, Республика Беларусь

E-mail: goritskaya@gmail.com

Область научных интересов автора: социолингвистика, языковые контакты, корпусная лингвистика

Лексические особенности русского языка в Беларуси, не связанные с влиянием белорусского языка¹

Статья демонстрирует взаимодействие внешних и внутренних факторов в процессе развития языка. Работа посвящена лексическим единицам, которые появились в белорусской разновидности русского языка без непосредственного влияния белорусского языка. Рассматриваются лексемы, образованные из русских морфем, новые значения слов, неоднословные номинации, в т.ч. перифрастического характера. Подобные языковые единицы являются реализацией потенциала, заложенного в системе русского языка.

В работе определено, что регионально специфические лексические единицы, не обусловленные языковыми контактами, обозначают как белорусские реалии, так и феномены, которые характерны не только для Беларуси. Появление «универсальных» единиц вызвано постоянным обновлением лексического состава языка, которое может идти независимо друг от друга в различных регионах. Кроме того, выделяется промежуточная группа лексических единиц: они не называют белорусские реалии, но их появление спровоцировано фактами, которые имеют отношение к Беларуси. Некоторые единицы имеют цитатный характер и отсылают к известным для белорусов текстам, в частности, к политическим выступлениям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: белорусская разновидность русского языка, русский язык в Беларуси, полицентрический язык, недоминантная разновидность полицентрического языка, лексическая вариативность.

Введение

В Беларуси два государственных языка: русский и белорусский. Это структурно схожие близкородственные языки, которые активно взаимодействуют в белорусском

¹ Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

социуме. Русская речь жителей Беларуси имеет специфику на всех уровнях языковой структуры, в т. ч. в лексике (Русский язык 1985; Мощенская 1992; Типология двуязычия 1999; Норман 2010; Woolhiser 2012 и мн. др.). На основании социолингвистического (официальный статус русского языка в государстве) и структурного (наличие языковых особенностей) критериев мы квалифицируем рассматриваемый идиом как *недоминантную разновидность русского языка* (Pluricentric languages 1992; Muhr 2012 и др.) и используем в работе термины *белорусская разновидность русского языка* и *белорусский русский*.

Исследование белорусской разновидности русского языка и других подобных идиомов, находящихся в процессе становления и развития, актуально для современной социолингвистики, поскольку такой материал в режиме реального времени демонстрирует, с одной стороны, как социальные факторы влияют на систему и функционирование языка, а с другой – как язык участвует в конструировании идентичности.

Как правило, лексическое своеобразие русского языка в Беларуси объясняется языковыми контактами и связанными с ними процессами типа интерференции и переключения кодов, см., в частности, перечисленные выше научные работы о белорусском русском. Специфические единицы проникают в исследуемый нами идиом из белорусского языка, в т.ч. из его диалектов, и белорусско-русской смешанной речи, кроме того, можно обнаружить следы влияния польского и других языков. К числу наиболее известных лексических отличий белорусского русского, имеющих контактную природу, относятся, например, такие слова, как *шуфлядка* ‘выдвижной ящик’, *мова* ‘язык (обычно белорусский)’, *бульба* ‘картофель’, *Беларусь* (вместо *Белоруссия*).

Однако специфика лексики в белорусской разновидности русского языка не сводится исключительно к контактно-обусловленным феноменам – задействуются и внутренние ресурсы русского языка, что в значительно меньшей степени освещено в научной литературе и поэтому нуждается в дополнительном исследовании. Например, на форуме «Городские диалекты» (АВВУ Lingvo 2018) и в созданном на его основе словаре (ЯРГ) приводятся такие характерные для русской речи белорусов слова, как *морозко* ‘мороженое’, *незабудка* ‘медицинский вытрезвитель’, *телевизор* и *аквариум* ‘ограниченное решеткой помещение для задержанных около дежурного по отделению милиции’ и др.

Необходимо отметить, что ввиду близости белорусского и русского языков провести границу между контактно-обусловленными и внутренними феноменами не всегда легко. В качестве примера рассмотрим слово *ссобойка* ‘набор продуктов на работу, в дорогу; в отличие от синонимичных *забутовка*, *припарок*, *тормозок* часто обозначает также школьный завтрак, взятый из дома’ (ЯРГ). Эту лексическую единицу можно рассматривать и как заимствование из белорусского языка (впрочем, оно редко фиксируется в лексикографических источниках, мы нашли его только в (СНН 2001) и (СП)), и как новообразование с прозрачной внутренней формой, которое могло бы

возникнуть и в русском языке², см., например, следующее высказывание: «*Ссобойки*» – книга рецептов из телевизионной программы «Завтрак с Юлией Высоцкой». Собраны рецепты блюд, которые можно есть не только дома, – их удобно есть во время любого перерыва в офисе на работе или в учебном заведении. <...> Высоцкая даже **название придумала**³ для таких блюд – *ссобойки* (Book Zone 2018).

Данная работа посвящена специфическим для белорусской разновидности русского языка лексическим единицам (регионализмам), которые не связаны с очевидным влиянием белорусского языка. Такие слова представляют собой реализацию потенциалов, заложенных в системе русского языка. Но почему эти лексические единицы возникли именно в Беларуси? В статье мы попытаемся дать ответ на этот вопрос. Цель работы – создать классификацию не обусловленных языковыми контактами регионализмов, которая объясняет их появление в белорусской разновидности русского языка.

В настоящей публикации делается акцент на номинациях, которые используются в живой речи и демонстрируют лингвокреативную деятельность русскоговорящих жителей Беларуси, а значит, и развитие белорусской разновидности русского языка. Такие специфические для страны единицы, как официальные аббревиатуры⁴, в статье не рассматриваются. Многие единицы, обсуждаемые в данной работе, имеют ироническую окраску, см. также (Авина 2004) о русском языке в Литве (ряд экспрессивных языковых единиц не приводится в нашей работе по этическим причинам).

1. Отбор материала

Эмпирическая база данной статьи – около 180 лексических единиц⁵ (морфологических и семантических дериватов, а также неоднословных номинаций, в т.ч. перифраз), некоторые из них имеют окказиональный характер и встречаются в единичных контекстах.

Часть лексических единиц мы нашли на вышеупомянутом форуме «Городские диалекты» и в (ЯРГ 2006), а также в научных публикациях, в частности, в (Сомин 2013). Некоторые слова были обнаружены нами в ходе наблюдения над современной речевой практикой. Мы отбирали единицы из неформальной коммуникации в интернете (форумы, блоги, социальные сети и т. п.), СМИ (в т.ч. электронных),

² В статье «“Шуфлядка”, “ссобойка” и “закатки”. Какие русские слова не знают сами россияне и почему» (Мartiнович 2017) *ссобойка* также помещается в ряд «слов, возникших самостоятельно, не путем прямого заимствования». В передаче на «Радио Свобода» «Чаму расейцы не разумеюць слова “ссабойка”» (Вячорка 2016) В. Вечёрко указывает на белорусское происхождение лексемы.

³ Здесь и далее в примерах выделено нами. – О.Г.

⁴ В книге «Русский язык в Казахстане: варьирование и функционирование» (Журавлёва 2015) рассматриваются аббревиатуры, специфические для русского языка в Казахстане.

⁵ Анализ способов образования лексем из картотеки не является задачей данного исследования, поскольку он не помогает определить, почему анализируемые единицы появились именно в Беларуси. К тому же объем картотеки является недостаточным для проведения такого рода анализа.

устной разговорной речи, поскольку эти сферы коммуникации являются питательной средой для возникновения и распространения инноваций. Кроме того, принимались во внимание метаязыковые высказывания «наивных» носителей языка. Группы слов, построенных по определенной модели, были найдены при помощи Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ) (Беликов и др. 2013, 2014; Piperski et al. 2013).

Выбирались лексемы, не связанные с очевидным влиянием белорусского языка, с опорой на лексикографические источники: использовалось последнее издание толкового словаря белорусского языка (ТСБЛМ 2016), а также электронные ресурсы, на которых представлены различные лексикографические издания: slounik.org и skarnik.by. Отсутствие регионализма в словарях белорусского языка служило основой для его включения в нашу картотеку.

Данные о территориальной распространенности языковых единиц мы получили при помощи корпусов и баз данных, в которых представлена русская речь из различных регионов. В качестве основного источника информации использовался подкорпус ГИКРЯ «Живой Журнал» («ЖЖ»), объем которого 8 720 млн слов. Кроме того, привлекалась база «Интегрум» – электронный архив СМИ и других источников информации из различных стран, в которых говорят на русском языке, в т.ч. и из Беларуси (более 500 млн документов).

В таблице демонстрируется, как определялась региональная привязка лексем. По данным ГИКРЯ, лексема *морожко* характерна для речи жителей Беларуси: 43,31 % употреблений этого слова представлено в блогах белорусских пользователей, притом что текстов из Беларуси в подкорпусе значительно меньше, чем из России и Украины.

Таблица – Региональные профили слов морожко и мороженое (по данным подкорпуса «ЖЖ» ГИКРЯ)

Регион	Морожко	Мороженое
Беларусь	123 (43,31 %)	1806 (2,90 %)
Россия	39 (13,73 %)	42359 (67,90 %)
Украина	28 (9,86 %)	5935 (9,51 %)
другое	94 (33,10 %)	12281 (19,69 %)

Необходимо понимать, что в современных языках, используемых на большой территории, есть мало слов, которые имеют четкую локализацию – встречаются в речи жителей одного города или одной страны. Это связано с миграциями, общением людей, живущих в разных местах, доступом к текстам, созданным в других регионах (в особенности СМИ), и т.п. Чаще мы можем охарактеризовать языковые единицы как в большей или меньшей степени типичные для одного или нескольких регионов.

Кроме того, некоторые слова могут быть известны не всем жителям того или иного региона, в особенности это касается новых и социолектных слов.

Точно определить ареал функционирования лексем не всегда легко, в особенности это касается неологизмов. Рассмотрим в качестве примера слово *бабушатник* ‘квартира со старомодным, «советским» интерьером, в которой давно не делали ремонт’ (по аналогии с *бомжатником*, *курятником* и т.п.). Приведем один контекст: *Думаю, каждый, кто снимал квартиру или просто просматривал объявления об аренде жилья, натыкался на подобные квартиры – обломки, так сказать, советской империи. В последние годы в интернетах подобным квартирам дали весьма точное и запоминающееся название – «бабушатники». Действительно, в подобных квартирах чаще всего живут одинокие старики, которым по какой-то причине не помогают их давно выросшие дети* (Мирович 2018а). В подкорпусе «Живой Журнал» ГИКРЯ 10 из 12 контекстов на лексему *бабушатник* встречаются в блогах пользователей из Беларуси. По данным на декабрь 2017 г., в СМИ, представленных в базе «Интегрум», контекстов больше (139 документов), при этом большинство из них (125) относятся к белорусским ресурсам, а 6 из 14 российских публикаций – это перепечатанные тексты из белорусских источников. При этом есть тексты, в которых эксплицитно отмечается не белорусская, а иная территориальная закреплённость лексемы *бабушатник*: *Представьте себе обычную хрущевку на окраине с муниципальным ремонтом из 60-х – как говорят москвичи, «бабушатник»* (Москва неспрашивая 2017). Очевидно, что лексема *бабушатник* могла получить распространение и в других странах постсоветского пространства, при этом, по данным использованных нами источников, в настоящее время она более активно используется именно в Беларуси.

2. Лексические единицы, обозначающие белорусские реалии

Лексические единицы, характерные для определенной национальной разновидности языка, часто обозначают феномены, специфические для страны (Авина 2004, 2005; Журавлёва 2015 и др.). Неудивительно, что после распада СССР в русском языке появились слова, отражающие различные аспекты жизни в независимых государствах, в частности новые номинации национальной валюты, государственных органов и т. п. Многие из этих единиц являются заимствованиями из языков титульных наций в русский, см., например, обозначения валют (некоторые из них уже стали историзмами): *тенге, сом, манат, лит, лат* и т. п.

Языковые единицы, которые выходят из употребления в одной стране под влиянием экстралингвистических факторов (переходят в разряд историзмов), могут продолжать функционировать в другой. Так, в белорусском русском остаются старые лексические единицы: в Беларуси милиция не была переименована в полицию, продолжают функционировать такие структуры, как, к примеру, *исполком* (*исполнительный ко-*

митет, горисполком) или КГБ, и использоваться соответствующие номинации. Это в определенной степени связано с официальным позиционированием Беларуси как страны стабильности, где сохраняются традиции, в особенности советские. Новым содержанием наполнилась лексема *Дожинки*: в современной Беларуси это ежегодный праздник урожая, который отмечается на государственном уровне.

Кроме того, в белорусской разновидности русского языка появляются и новые лексические единицы, обозначающие местные реалии. Приведем несколько примеров из нашей картотеки: *палатка* ‘Палата Представителей Национального собрания Республики Беларусь’ и *палаточник* ‘депутат Палаты Представителей’, *евробелорус* ‘белорус с проевропейской ориентацией’, *зайчик* и *белка* ‘белорусский рубль’ и др. Несколько контекстов:

Депутат Владимир Кужанов не хочет идти на третий срок в «палатку» (Весна 2012);

Доля «евробелорусов» увеличилась на 13 процентных пунктов – более чем на треть, в то же время доля противников евроинтеграции на четверть сократилась (Ej.by 2011).

Наличие таких инноваций демонстрирует развитие и обособление разновидностей русского языка в различных постсоветских странах: «При всей мелкости отличий национальных вариантов РЯ от “стволового” РЯ в России, инновации говорят о наличии дивергентных процессов. В перспективе дивергенция не будет интенсивной – в силу доминирования в Беларуси и Украине российских СМИ, – но дивергенция будет иметь место» (Мечковская 2005: 62), см. также (Беликов 2004: 35).

В разговорной речи жителей Беларуси представлены различные неофициальные варианты местных названий. Например, газету *Беларусь сегодня* (ранее – *Советская Белоруссия*) называют *Совбелка* (*СовБелка*, *совбелка*), а Национальная библиотека Республики Беларусь метафорически обозначается как *Алмаз*, *Чупа-чупс* и т.п. Очевидно, что в русской разговорной речи белорусов существуют и неформальные обозначения населенных пунктов, актуальные главным образом для их жителей. Некоторые из них отмечаются в словаре (Ахметова 2015), например, *Баранки* ‘Барановичи’, *Солик* ‘Солигорск’ и др. Различные примеры разговорных урбанонимов Минска на материале белорусского языка анализируются в статье (Лобань, Пархоменка 2016), однако большинство из рассмотренных в публикации единиц встречаются и в русской речи.

В русскоязычных текстах, созданных на территории Беларуси, используются различные перифразы, в большей или меньшей степени понятные местным жителям, см. работы Е. А. Акуленко и В. В. Леонтьевой (2017 и др.). В частности, Беларусь иногда называется *Хрустальным сосудом* (*Сосудом*), *Синеокой* и т.д. Пример названия статьи о Минске и Беларуси – *Хрустальный сосуд и его обитатели* (Сулима 2015). Встречаются и разнообразные перифрастические обозначения президента страны: *Гарант*, *Сами знаете кто* и т.п.

Можно выделить целые группы национально специфических слов с одинаковым компонентом. Например, в текстах представлены разнообразные лексемы

с компонентом *бел-* (от *белорусский*), причем в составе не только официальных аббревиатур, но и разговорных номинаций. Некоторые из них, согласно ГИКРЯ, используются довольно часто, например, *белрубль*, *беллит* (от *литература*), некоторые – редко: *белшоубиз*, *белблюз*, *белдизайн*, *белполиткорректность*, *белавтостоп*, *белбогема*, *белблог(г)ер* и т.п. Очевидно, что такие слова могут употребляться и в других странах (примером является слово *белопозиция*), но в целом все белорусское интересует в первую очередь самих белорусов, что отражается и в частотности языковых единиц.

Само слово *белорусский* и его производные иногда приобретает отрицательные и иронические коннотации. В частности, можно найти разнообразные тексты с названиями, в состав которых входят конструкции типа *сервис по-белорусски* или *белорусский сервис*, где рассказывается о плохом сервисе. Так, текст с заголовком *Белорусский сервис, или Чего приперлись!* начинается со следующего фрагмента: *Колумнист Sputnik Татьяна Прудинник рассуждает на темы, почему белорусский сервис такой безжалостный, передается ли хамство воздушно-капельным путем, и как исправить положение в сфере обслуживания?* (Прудинник 2015). Ироническую и иногда пренебрежительную окраску имеет лексема *белорусик / беларусик*: ***Белорусики*** – сельские дикари, не умеющие жить без стеклянных бус и блесток (Livejournal 2018a).

3. Номинация объектов, не связанных исключительно с Беларусью

Но в русской речи белорусов есть специфические лексемы, обозначающие феномены, которые можно встретить не только в Беларуси. Предмет одежды, который в других зонах русскоязычного коммуникативного пространства называется *водолазкой*, *бадлоном*, *битловкой* и т.п., жители Беларуси именуют *гольфом*; белорусы обычно носят *байки*, а не *толстовки* и предпочитают называть школьных учительниц *химицами*, *физицами*, *математицами*, а не *химичками*, *физичками*, *математичками*, *сбрасывают глухаря*, когда хотят, чтобы им перезвонили на мобильный телефон, именуют дешевое плодово-ягодное вино (*бормотуху*) не только *чернилами* (*чернилом*), но и *чарликом*, *бэрлом* и др.⁶; в некоторых частях Беларуси маршрутку называют *таксичкой* или *бусиком* и т.п. (Беликов 2010; Сомин 2013; ЯРГ 2006 и др.).

Большинство регионально специфических обозначений такого рода используются в неформальной коммуникации и имеет разговорную, просторечную или сленговую (жаргонную) окраску. Живая речь – лаборатория экспериментов над языком, где постоянно идет поиск новых названий, и понятно, что не каждая из созданных номинаций становится известной на всей территории функционирования русского языка (подобная лексика часто используется только в кругу «своих»). Прочитируем

⁶ См., например, статью «Красиво пить не запретишь» (Мельникова 2016).

В. И. Беликова (2004: 34): «Источником регионально-нормативной лексики являются не только диалекты – часто происходит параллельная номинация новых реалий. <...> Процесс появления новых реалий непрерывен, и их номинация в разных городах идет относительно независимо. В Москве, Казани, Волгограде, Красноярске появилась *шаурма́*, в Петербурге и Перми – *шавёрма* (восходит к араб. *šawārma*, ср. *шв́арма* в русском языке Израиля). Новое средство связи, официально именуемое то *сотовым*, то *мобильным телефоном*, в обиходе называется то *мобильником*, то *мобилой*, то *трубой*, а то и *соткой* (последнее, в частности, в русском языке Киргизии)».

4. Лексика, занимающая пограничное положение

Граница между регионально специфическими и универсальными объектами номинации не является четкой. Так, возникновение некоторых слов, обозначающих актуальные для различных регионов объекты, может быть вызвано событиями, происходившими в Беларуси.

В качестве иллюстрации рассмотрим обозначения с компонентом *агро-*, характерные для белорусской разновидности русского языка, например, *агрогламур*, *агроренессанс*, *агроклассицизм* и др.: «*Агрогламуром*» лично я называю вырвиглазный стиль интерьеров квартир и особняков, в котором смешаны стили разных эпох, используются несочетаемые материалы и фактуры, а также всё подчинено единой цели – максимально продемонстрировать богатство и власть хозяев жилья (Мирович 2018b). Понятно, что такие лексические единицы не обозначают феномены, характерные исключительно для Беларуси: *Если вы думаете, что агрогламур, о котором я рассказывал вот в этом посте, это сугубо белорусское явление, то разочарую (или, наоборот, обрадую) вас – этот стиль свойственен многим интерьерам в бывших постсоветских странах* (Мирович 2018с). Появление иронических слов с *агро-* в исследуемом идиоме обусловлено экстралингвистическими факторами: во второй половине 2000-х годов в Беларуси стали создаваться агрогородки (сейчас это официальное название типа населенного пункта) и развиваться агротуризм⁷. При этом необходимо подчеркнуть, что «аграрная тема» в целом является значимой для белорусов, которых часто называют сельской нацией, и поэтому словотворчество в этой семантической зоне является неслучайным для белорусской разновидности русского языка.

На форуме «Городские диалекты» как пример нового регионализма приводится слово *триджик* ‘3G-модем; реже сама технология 3G’. Появление лексемы *триджик* в русской речи жителей Беларуси можно объяснить локальными событиями – рекламой белорусского мобильного оператора life:), в которой фигурировал робот

⁷ Аналогичным образом в российском русском во второй половине 2000-х годов получили распространения слова с компонентом *нано-* (не только *нанотехнологии* и *наноматериалы*, но и *нанокосметика* и *наносапиенс* и т. п.), занявшие вторую позицию в рейтинге популярных слов 2007 г. (Пальвелева 2008).

3Gik, давший название самому устройству. При этом в некоторых случаях у слова сохраняется одушевленность – пример из белорусского блога на русском языке: *В шоле меня стопудов все бросят и еще оставят на меня собаку. Я куплю триджика, возьму собаку, поеду на дачу и буду там скучать* (Livejournal 2018b).

Отдельные слова и словосочетания в нашей выборке имеют цитатный характер. В частности, в некоторых единицах есть аллюзии на речи Президента Беларуси А. Г. Лукашенко. В качестве примера рассмотрим лексическую единицу *папицот* (*попицот*, *поняцьсот*, *по пятьсот* и т.п.) от *по пятьсот* (*долларов*), которая в последнее время часто обозначает пока не достигнутые финансовые показатели (в первую очередь среднюю по стране зарплату или – реже – стоимость квадратного метра жилья). Пример употребления: *Идем к «попицот»*. *Средняя зарплата белорусов в марте выросла больше чем на 54 рубля* (Финансы TUT.BY 2017). Эта языковая единица отсылает к выступлениям белорусского президента, который неоднократно (как минимум с 2006 г.) говорил о необходимости повысить среднюю зарплату в стране до 500 долларов. «Президентский» ассоциативный фон есть у таких слов и конструкций, как *жесточайший* (*жесточайше*), *пятая колонна*, *чай с малиновым вареньем* и др. Упомянутое в разделе 2 данной статьи перифрастическое обозначение Беларуси *Хрустальный сосуд / Сосуд* связано с президентской речью 2004 г.: *И я все эти годы бережно и с трепетом несу перед собой на своих руках этот светлый, хрустальный сосуд, имя которому – Беларусь. Несу, боясь его уронить, потому что уж очень он хрупкий и уязвимый* (Обращение Президента 2004).

Слова и конструкции, характерные для белорусской разновидности русского языка, могут отсылать не только к политическим выступлениям, но и к текстам популярных песен, рекламе, телевизионным передачам, художественной литературе и т. п., см., например, статью «Энциклопедия белорусских мемов: Как появились гондолеры, выборы-дурыборы и другие мемы» (Лычавко 2018). Языковые единицы, которые демонстрируют наличие общих для белорусов прецедентных текстов (не обязательно связанных с т.н. высокой культурой), как и локальный, понятный не всем юмор, являются способом конструирования коллективного «мы» и демонстрируют связь языка и идентичности.

Выводы

Таким образом, в статье показано взаимодействие внешних и внутренних факторов, обуславливающих развитие русского языка. Белорусский русский отличается от других разновидностей русского языка не только белорусизмами, но и языковыми единицами, в которых нет очевидного влияния белорусского языка. Рассмотренные в статье примеры демонстрируют, что в русском языке скрыто много возможностей и потенциальности языковой системы могут по-разному реализовываться в разных регионах. Когда возникает потребность в обновлении пластов лексики (в частности, экспрес-

сивных) и обозначении новых явлений, жители разных регионов конструируют неодинаковые языковые варианты.

Возникновение регионально специфических лексем нельзя рассматривать в отрыве от внеязыковых факторов – социальных, культурных, политических и т.п. Наше исследование показало, что одни регионализмы, не обусловленные языковыми контактами, называют местные реалии, другие – обозначают феномены, не связанные исключительно с Беларусью. Граница между «белорусским» и «универсальным» является размытой. Возникновение отдельных единиц, называющих актуальные для различных русскоговорящих стран явления, также может быть связано с внеязыковыми факторами – событиями, произошедшими в Беларуси, см. историю распространения лексемы *триджик* или слов с компонентом *агро-*. Некоторые регионально специфические лексические единицы могут иметь цитатный характер и отсылать к известным для жителей Беларуси текстам, что демонстрирует прагматический потенциал регионально специфических вариантов и их связь с идентичностью жителей Беларуси.

Литература

ABBY Lingvo 2018. – Городские диалекты. *ABBY Lingvo*. Режим доступа: forum.lingvolive.com/cat/126 (См. 18.04.2018).

Book Zone 2018. – *Онлайн Интернет-магазин BookZone*. Режим доступа: bookzone.com.ua/Netshop/catalogue/catalogue_45848.html (См. 18.04.2018).

Ej.by 2011. – Впервые более половины белорусов высказались за интеграцию с Европой. *Ej.by*. 18 мая 2011. Режим доступа: https://ej.by/news/sociaty/2011/05/18/vpervye_bolee_poloviny_belorusov_vyskazalis_za_integratsiyu_s_evropoy_.html (См. 18.04.2018).

Livejournal 2018a. – *Livejournal.com*. Режим доступа: <https://m.livejournal.com/read/user/metaclass/842897> (См. 18.04.2018).

Livejournal 2018b. – *Livejournal.com*. Режим доступа: m.livejournal.com/read/user/krunjav/31808/comments/p1 (См. 18.04.2018).

MUHR, R., 2012. Linguistic dominance and non-dominance in pluricentric languages. A typology. In: *Non-dominant varieties of pluricentric languages. Getting the picture. In memory of Prof. Michael Clyne*. Ed. R. Muhr. Wien et. al.: Peter Lang Verlag, 23–49.

PIPERSKI, A., SELEGEY, V., SHAROFF, S., 2013. Big and diverse is beautiful: A large corpus of Russian to study linguistic variation. In: *Web as Corpus Workshop (WAC-8)*. Available from: <http://www.webcorp.ru/wp-content/uploads/2015/10/wac8-proceedings.pdf> [Accessed 22 May 2018].

Pluricentric languages 1991. – *Pluricentric languages: differing norms in different nations*. Ed. M. Clyne. New York: Walter de Gruyter.

WOOLHISER, C., 2012. “Belarusian Russian”: sociolinguistic status and discursive representations In: *Non-dominant varieties of pluricentric languages. Getting the picture. In memory of Prof. Michael Clyne*. Ed. R. Muhr. Wien et. al.: Peter Lang Verlag, 227–262.

АВИНА, Н. Ю., 2004. Язык русских в Литве: словообразовательные особенности. In: *Slavica Helsingiensia 24. Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Helsinki: Helsinki University, 136–142.

АВИНА, Н., 2005. К вопросу о лексической интерференции (на материале языка русских в Литве). *Žmogus kalbos erdvėje*, 4, 8–15. Режим доступа: http://www.knf.vu.lt/dokumentai/failai/katedru/uzsienio/zmogus_erdveje_2005.pdf (См. 18.04.2018).

АКУЛЕНКО, Е. А., ЛЕОНТЬЕВА, В. В., 2017. Перифрастические номинации географического пространства Беларуси в языке современных СМИ. In: *Эксплицитное и имплицитное в языке и речи*. Ред. Л. М. Лещева и др. Минск: МГЛУ, 106–108.

АХМЕТОВА, М. В., 2015. *От А-Аты до Ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов*. Москва: ФОРУМ.

БЕЛИКОВ, В. И., 2004. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии. In: *Русский язык сегодня*. Ред. Л. П. Крысин. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. Москва: ИРЯ РАН, 23–38.

БЕЛИКОВ, В. И., 2006. Русское языковое пространство и технический прогресс. In: *Русский язык сегодня*. Вып. 4. Ред. Л. П. Крысин. Проблемы языковой нормы. Москва: ИРЯ РАН, 2006, 62–76.

БЕЛИКОВ, В. И., 2010. Методические новости в социальной лексикографии XXI века. In: *Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Eds. A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: Helsinki University, 32–49.

БЕЛИКОВ, В. И., КОПЫЛОВ, Н. Ю., ПИПЕРСКИ, А. Ч., СЕЛЕГЕЙ, В. П., ШАРОВ, С. А., 2013. Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, вып. 12 (19), 83–95.

БЕЛИКОВ, В. И., КОПЫЛОВ, Н. Ю., СЕЛЕГЕЙ, В. П., ШАРОВ, С. А., 2014. Дифференциальная корпусная статистика на основании неавтоматической метатекстовой разметки. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, вып. 13 (20), 54–67.

Весна 2012. – Депутат Владимир Кужанов не хочет идти на третий срок в «палатку». *Правозащитный центр «Весна»*. 17 июля 2012. Режим доступа: <http://spring96.org/ru/news/54458> (См. 18.04.2018).

ВЯЧОРКА, В., 2016. Чаму расейцы не разумеюць слова «ссабойка». *Радио Свобода*. 30 чэрвень 2016. Режим доступа: <https://www.svaboda.org/a/27830780.html> (См. 18.04.2018).

ЖУРАВЛЕВА, Е. А., 2015. *Русский язык в Казахстане: варьирование и функционирование*. Астана: KazServicePrint.

ГИКРЯ – *GICR. General Internet-Corpus of Russian*. Режим доступа: webcorpora.ru (См. 18.04.2018).

Интегрум – *База данных «Интегрум»*. Режим доступа: <https://integrum.ru> (См. 18.04.2018).

ЛОБАНЬ, Н. П., ПАРХОМЕНКА, Я. У., 2016. Канатацыйныя ўрбанонімы Мінска. *Роднае слова*, № 8, 35–38.

ЛЫЧАВКО, А., 2018. Энциклопедия беларуских мемов: Как появились гондольеры, выборы-дурьборы и другие мемы. *The Village*. 20 красавіка. Режим доступа: <https://www.the-village.me/village/culture/entertainment/267343-memes> (См. 18.04.2018).

МАРТИНОВИЧ, Д., 2017. «Шуфлядка», «ссобойка» и «закатки». Какие русские слова не знают сами россияне и почему. *TUT.BY*. 6 июня 2017. Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/546274.html?crnd=96152> (См. 18.04.2018).

МЕЛЬНИКОВА, Е., 2016. Красиво пить не запретишь. *Bolshoi.By*. 8 июля 2016. Режим доступа: <https://bolshoi.by/persona/krasivo-pit-ne-zapretish> (См. 18.04.2018).

МЕЧКОВСКАЯ, Н. Б., 2005. Постсоветский русский язык: новые черты в социолингвистическом статусе. *Russian Linguistics*, 29 (1), 49–70.

МИРОВИЧ, М., 2018а. Советские бабушатники. *Livejournal*. Режим доступа: <https://maxim-nm.livejournal.com/202428.html> (См. 18.04.2018).

МИРОВИЧ, М., 2018b. Агрогламур из квартиры Анастасии Волочковой. *Livejournal*. Режим доступа: <https://maxim-nm.livejournal.com/325466.html> (См. 18.04.2018).

МИРОВИЧ, М., 2018с. Агрогламур из киевского подъезда. *Livejournal*. Режим доступа: <https://maxim-nm.livejournal.com/293109.html> (См. 18.04.2018).

Русский язык 1985. – *Русский язык в Белоруссии*. Ред. А. Е. Михневич. Наука и техника, Минск.

Москва непрасудничная 2017. – *Москва непрасудничная: история провинциалки, которая пы-*

талась покорить столицу. 20 февраля 2017. *Cosmopolitan*. Режим доступа: <https://www.cosmo.ru/lifestyle/society/moskva-neprazdnichnaya-istoriya-provincialki-kotoraya-pytalas-pokorit-stolicu/#part0> (См. 18.04.2018).

МОЩЕНСКАЯ, Л. Г., 1992. *Как белорусы говорят по-русски? Варианты рода имен существительных в русской речи белорусов*. Минск: Университетское.

НОРМАН, Б. Ю., 2010. Русский язык в Беларуси: особенности социолингвистической ситуации. *Humaniora: lingua russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика*, XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире, 175–192.

Обращение Президента 2004. – Обращение Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко к белорусскому народу в связи с объявлением референдума. *Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь*. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-k-belorusskomu-narodu-v-svjazi-s-objjavleniem-5840 (См. 18.04.2018).

ПАЛЬВЕЛЕВА, Л., 2008. Ключевое слово. «Нано – значит нано». *Радио Свобода*. 15 января 2008. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/430383.html> (См. 18.04.2018).

ПРУДИННИК, Т., 2015. Белорусский сервис, или Чего приперлись! *Sputnik*. 05 октября 2015. Режим доступа: <https://sputnik.by/columnists/20151005/1017648375.html> (См. 18.04.2018).

СНН 2001 – Калектыў супрацоўнікаў выдавецтва «Наша Ніва». *Слоўнік беларускай мовы (клясычны правапіс)*. Рэжым доступу: <http://slounik.org/nn> [Гл. 10 мая 2018].

СОМИН, А. А., 2013. Русский язык в Республике Беларусь. In: *Русский язык зарубежья*. Санкт-Петербург: Златоуст, 171–201.

СП – ПІСКУНОЎ, Ф. А., 2012. *Вялікі слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка*. Мінск: Тэхналогія.

СУЛИМА, К., 2015. Хрустальный сосуд и его обитатели. *Нож*. 13 декабря 2015. Режим доступа: <https://knife.media/minsk> (См. 18.04.2018).

Типология двуязычия 1999. – *Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси*. Ред. А. Н. Булыко, Л. П. Крысин. Минск: Беларуская навука.

ТСБЛІМ 2016 – *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. Рэд. І. Л. Капылюў. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі.

Финансы TUT.BY 2017. – Идем к «попицот». Средняя зарплата белорусов в марте выросла больше чем на 54 рубля. *Финансы TUT.BY*. 26 апреля 2017. Режим доступа: finance.tut.by/news540902.html (См. 18.04.2018).

ЯРГ 2006 – *Словарь «Языки русских городов»*. 2 версия. Ред. В. И. Беликов. АBBYY Software.

Olga Goritskaya

Minsk State Linguistic University, Republic of Belarus

Research interests: sociolinguistics, language contacts, corpus linguistics

Lexical Peculiarities of Belarusian-Russian Independent from the Influence of the Belarusian Language

Summary

The article focuses on the interaction of external and internal factors in language change. The paper deals with lexical units that have emerged in the Belarusian variety of Russian without the direct influence of the Belarusian language. The author analyses lexemes derived from Russian morphemes, new meanings of Russian words, and multi-word nominative units, including periphrasis. These items represent how the potential of the Russian language system is realized.

The study shows that regionally specific lexical units denote both culture-bound and universal phenomena. The emergence of the units from the latter category is caused by the lexical modernization

that may take different forms in different regions. In addition, there is an intermediate group of lexical units: they are not culture-bound but their formation is related to the facts relevant to Belarus. Some lexical units are allusive and refer to political speeches and other famous texts.

KEYWORDS: The Belarusian Variety of the Russian Language, Belarusian-Russian, Pluricentric Language, Non-dominant Variety of a Pluricentric Language, Lexical Variation.

Olga Goritskaya, PhD in linguistics (theory of language), is employed at the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University (Belarus). Currently, she is writing her habilitation thesis on lexical and grammatical variation in the Belarusian variety of the Russian language in sociolinguistic perspective.

Pateikta / Submitted 2018 05 30

Priimta / Accepted 2018 07 25